

Согласно высказанному мною раньше определению: "Право есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой", нетрудно убедиться, что определение это заключает в себе именно те существенные признаки права, которых недостает другим рассмотренным нами определениям. Значительная часть этих определений считает характерным для права то, что оно является созданием государства или пользуется его признанием; но мы видели, что право может существовать и помимо государства, что оно предшествует государству и обуславливает его собою; точно так же несущественным является для права признание его каким-либо внешним авторитетом: ибо право обуславливает собою всякий авторитет. Другие определения считают существенными признаками понятия правопринуждение, силу, интерес, осуществление мира, нравственное содержание правовых норм; однако несущественность всех этих признаков для права наглядно доказывается тем, что право сплошь да рядом осуществляется без всякого принуждения и насилия, что существуют правовые нормы, не выражающие в себе интересов, не направленные к осуществлению мира и, наконец, безнравственные по своему содержанию.

За устранением всех перечисленных признаков право все-таки не перестает быть правом; существенными же признаками каждого данного понятия могут признаться только те, с уничтожением коих уничтожается самое понятие; с этой точки зрения нетрудно убедиться в том, что в сформулированном в начале курса определении даны именно существенные признаки права; отсутствие внешней свободы есть синоним бесправия: лицо, лишенное внешней свободы, есть лицо вполне бесправное; стало быть, внешняя свобода является необходимым, существенным признаком права. Точно так же не может быть права и при отсутствии таких правил или норм, которые бы, с одной стороны, предоставляли отдельным лицам определенную сферу внешней свободы, а с другой стороны, ограничивали бы внешнюю свободу лица: безграничный произвол, так же как и отсутствие свободы, есть синоним отсутствия права; стало быть, норма, кладущая предел произволу или, что то же, ограничивающая внешнюю свободу одних лиц во имя внешней свободы других лиц, также является существенным признаком права. Заключая в себе существенные признаки права, наше определение вместе с тем достаточно широко, чтобы обнять в себе все формы права: под него подойдут не только нормы права, установленные и признанные государством или каким бы то ни было внешним авторитетом, но и те нормы, на которых утверждается самый авторитет государства и всякий вообще внешний авторитет.

Существенно отклоняясь от господствующих воззрений, наше определение, само собою разумеется, вызовет серьезные возражения, с которыми так или иначе необходимо посчитаться. Нетрудно предвидеть, что большинству современных юристов оно покажется слишком широким. Нам могут возразить, что оно не выражает существенных отличий области права от других смежных с ним областей, в особенности

нравственности, что под него подойдут и нормы нравственные.

В самом деле, уважение к внешней свободе ближнего требуется не только правом, но и нравственностью: есть множество нравственных норм, которые ограничивают произвол одних лиц во имя внешней свободы других; так, нравственные нормы воспрещают красть, убивать, наносить ближним побои, следовательно, они, подобно нормам правовым, ограждают внешнюю свободу лица против внешних насилий и всяких вообще проявлений чужого произвола. Отсюда, по-видимому, можно заключить, что данное нами определение права не включает в себе тех признаков, на основании которых можно было бы отличить нормы правовые от норм нравственных.

Возражение это, однако, может показаться основательным только с первого взгляда. Оно могло бы иметь силу только в том случае, если бы нравственность и право были сферами, взаимно друг друга исключаящими, так чтобы нравственное правило не могло бы быть вместе с тем и правовым, а правовая норма не могла бы быть вместе с тем и нравственной. На самом деле как раз наоборот, область нравственная и область права не только не исключают друг друга, но находятся в тесном взаимном соприкосновении, так что одни и те же нормы могут одновременно заключать в себе и правовое, и нравственное содержание. Как уже было раньше замечено, далеко не все правовые нормы нравственны по своему содержанию; но случаи совпадения правовых и нравственных требований далеко не редки. Вот почему нельзя требовать от определения права, чтобы оно из себя исключало все те правила и нормы, которые содержат в себе нравственные требования.

Сила приведенного только что возражения парализуется тем, что все те нравственные правила, которые ограничивают произвол одних лиц во имя внешней свободы других, суть вместе с тем и нормы правовые; так, например, нормы, воспрещающие убивать, красть, наносить ближним побои, устанавливают вместе с тем право лица на жизнь, собственность и физическую неприкосновенность. Вообще под нагие определение права подходят только те нравственные правила, которые имеют правовое значение. Напротив того, нетрудно убедиться в том, что оно решительно исключает из себя все те нравственные предписания, которые правового значения не имеют. Так, например, под это определение не подходит нравственное правило, воспрещающее всякую ложь как таковую; сама по себе ложь, поскольку она не наносит никому ущерба, не есть нарушение сферы внешней свободы какого-либо лица; нетрудно убедиться, что такая ложь не есть вместе с тем и нарушение чьего-либо права. Напротив того, есть специфический вид лжи, клевета, который представляется прямым нарушением не только нравственности, но и права; нетрудно убедиться, что клевета является вместе с тем прямым посягательством против внешней свободы ближнего, против его свободы осуществлять во внешнем мире все те цели, которые предполагают доброе имя.

Нравственное правило, воспрещающее клевету, несомненно заключает в себе правовой элемент; вот почему оно и подходит под наше определение права. Нетрудно убедиться также, что под наше определение права не подходят все те нравственные правила, которые требуют от нас того или другого внутреннего настроения, например любви, доброжелательства или уважения к ближнему, бескорыстной преданности долгу ради самого долга. Само по себе мое внутреннее настроение не затрагивает сферы внешней свободы ближнего; вот почему оно и не может послужить содержанием его права: если мы говорим о чьем-либо праве на уважение, любовь или благодарность, то это не более как неточные выражения, злоупотребления языком; предмет чьего-либо права могут быть только чужие действия, а не чужое настроение, так как сфера внешней свободы каждого лица непосредственно затрагивается только действиями, а никак не настроением ближнего. Одни и те же действия могут быть вызываемы самыми различными настроениями: например, купец может не обманывать своих покупателей или потому, что он любит честность ради самой честности, или же потому, что он дорожит репутацией своей торговой фирмы, или же, наконец, потому, что он боится наказания; во всех этих случаях образ действий купца будет одинаково согласен с правом: право покупателя простирается только на действия купца, которые так или иначе затрагивают сферу его внешней свободы, а не на настроение, которое выходит за пределы этой сферы.

Во множестве исследований и учебников, трактующих о существе права, одно из существенных отличий права и нравственности выражается в следующей формуле: нравственность есть закон внутренний, право — закон внешний, нравственность регулирует не только внешнее поведение, но и внутреннее настроение; напротив, право регулирует исключительно внешнее поведение, только внешнюю сферу человеческих действий; и для него безразлично, из какого настроения проистекают эти действия.

Различие между правом и нравственностью выражено здесь не совсем точно: поскольку внешнее поведение обуславливается внутренним настроением, последнее далеко не безразлично для права. В частности, в праве уголовном прямо принимаются во внимание внутренние побуждения, мотивы, вызвавшие то или другое преступное деяние. Для права далеко не безразлично, совершено ли преступление с заранее обдуманной целью или под влиянием внезапного раздражения, действовал ли преступник в полном сознании или же он, вследствие психического расстройства или умственной незрелости, не сознавал значения своих поступков; уголовное право принимает во внимание не только внешнее поведение преступника, но и степень злой воли, обуславливающей это поведение.

Поэтому, разумеется, нельзя согласиться с утверждением, будто психическое настроение безразлично для права. Различие между правом и нравственностью

выражается вовсе не в том, что право "не принимает во внимание внутреннего настроения", а в том, что внутреннее настроение, мотивы, вызывающие те или другие действия, не составляют содержания права. Содержание права всегда сводится к той или другой определенной сфере внешней свободы; очевидно, что чужое настроение, поскольку оно не проявляется в каких-либо внешних действиях, не входит в сферу моей внешней свободы; поэтому оно не входит и в сферу моих прав: тот, кто только пожелал моей смерти или моего кошелька, еще не является нарушителем моего права на жизнь или моей собственности; содержание этих прав не простирается на чужие пожелания или побуждения: оно сводится к тому, чтобы мои ближние своими действиями не нарушали моей свободы жить и пользоваться принадлежащими мне вещами.

Словом, область побуждений, психическое настроение принимается во внимание правом не в качестве содержания тех или других правомочий или правовых норм, а только в качестве источника тех или других действий, направленных к осуществлению или нарушению права. До тех пор пока наши помыслы и намерения не выразились в каких-либо осязательных внешних действиях, праву до них нет дела: человек, только замысливший преступление, но ничего не сделавший для осуществления своего замысла, осуждается нравственностью, но он вовсе не является нарушителем права; вот почему так называемый голый умысел не карается правом уголовным: оно принимает во внимание злое намерение, только если оно выразилось в злых деяниях.

Основное различие между правом и нравственностью, согласно всему сказанному в предшествовавшем изложении, может быть выражено таким образом: содержанием права является исключительно внешняя свобода лица. Содержанием нравственности является добро, или благо, причем требования добра могут касаться как внутренних, так и внешних проявлений нашей свободы, как действий лица, так и его настроения. В область права входят все вообще требования, касающиеся внешней свободы лица, все те правила или нормы, которые ее представляют и ограничивают, независимо от того, нравственны или безнравственны эти нормы, служат или не служат они целям добра. В область нравственности входят все вообще правила или нормы, предписывающие осуществлять добро, независимо от того, имеют или не имеют эти предписания правовое значение, касаются ли они внешней сферы действий или только внутренней сферы настроения лица. С одной стороны, нравственные предписания охватывают в себе часть права; с другой стороны, предписания правовые обнимают в себе часть нравственности; но вместе с тем существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, и много таких правовых норм, которые или вовсе не имеют нравственного содержания, или даже прямо безнравственны. Нравственность и право в их взаимных отношениях могут быть сравнены с двумя пересекающимися окружностями: у них есть, с одной стороны, общая сфера — сфера пересечения, в которой содержание их предписаний совпадает, и вместе с тем две отдельные области, в коих их требования частью не сходятся между собою, частью даже прямо противоречат друг другу.

Нормальные отношения между правом и нравственностью